

ВОЛЬНЫЙ 5 ЛЕКАРЬ

УЧЕНИК

СЕРГЕЙ КАРЕЛИН

ЕГОР ЗОЛОТАРЕВ

**Егор Золотарев
Сергей Карелин**

Вольный лекарь. Ученик. Том 5

Серия «Вольный лекарь», книга 5

*<https://litres.ru/74122314>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Я отправился из Томска в Тюмень на пароходе, ожидая спокойное путешествие по рекам империи, но ошибся. Передо мной возникли неожиданные испытания и опасности, о которых я даже не задумывался. Мне предстоит не только использовать свои магические способности, но и знания из прошлой жизни, чтобы справиться с врагами.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Егор Золотарев, Сергей Карелин Вольный лекарь. Ученик. Том 5

Глава 1

Я находился в полузабытье. Слышал все, что рядом со мной происходило: встревоженные разговоры, скрежет ножек стульев по деревянному полу, звон посуды, далекий смех. Однако не мог пошевелиться и открыть глаза, да и не хотел этого делать. Камень на моей груди продолжал пульсировать и пронизывать меня магической энергией, которая не сохранялась в моем резервуаре, а перетекала волнами по всему телу, будто обследуя каждую частичку. Мне не было больно или неприятно. Наоборот, я будто благоговел перед этим источником силы.

— Воды холодной принеси! — раздался голос над самым ухом. — За лекарем кого-нибудь отправьте!

Я почувствовал, как кто-то насильно разжал мои пальцы и забрал камень. В это же самое мгновение я обрел власть над собственным телом и открыл глаза.

— А-а-а, отбой! Не надо лекаря! — надо мной находилось лицо пожилого старателя. — Очухался уже, — он взял меня за плечи и помог сесть.

Вокруг собралась обеспокоенная толпа. Люди все еще встревоженно заглядывали мне в лицо.

— Припадочный, что ли? — спросил верзила, который единственный сидел на прежнем месте и похрустывал сухарем.

— Нет, сам не знаю, что со мной было, — хрипло ответил я и, откашлявшись, поднялся на ноги.

— А почему за камень схватился? — продолжил допытываться он, но я лишь пожал плечами.

Первым делом проверил уровень энергии — все по-прежнему. Похоже, энергия камня была иной, поэтому не заполнила мои узлы и меридианы. А это очень странно, ведь в таком случае она сильно отличается от той, что меня окружает. Однако поток был настолько мощным, что мое тело дало сбой.

— Ну как ты? Хочешь водички? — ко мне торопливо подошла взволнованная девушка-служанка.

— Да, хочу, — я забрал у нее ковш с ледяной водой, не спеша выпил и вернул пустую посуду. — Спасибо.

— Может, лекаря позвать?

— Нет, не надо. Все нормально.

— Ладно. Но ты позови меня, если что, — предупредила она, развернувшись и, едва не ударив меня своей косой, дви-

нулась к кухне, из которой уже доносились крики кухарки:
— Куда опять эта финтифлюшка подевалась? Скоро свинина жиром покроется, а ее все нет!

— Да здесь я, здесь, — девушка вбежала на кухню и хлопнула дверью.

Люди, удостоверившись, что никакого представления не будет, потеряли ко мне интерес и вернулись на свои места. Я отдышался, немного пришел в себя и уже хотел вернуться за свой стол, но тут моя рука инстинктивно сжалась, будто я все еще держал камень. Кстати, где он?

Я огляделся и заметил, что пожилой старатель заворачивает камень обратно в кусок ткани. При виде него у меня сердце снова забилося быстрее. Не знаю, что это за камень такой, но в нем заложена большая магическая сила. Пока не понимаю, как ее можно использовать, но такой артефакт упускать нельзя.

В это время верзила с шумом допил пиво, грохнул кружкой об стол и поднялся с места.

— Ладно, пойду я. Надо собираться. Завтра на рассвете выезжаю. Жаждались мои небось.

Он по очереди пожал руки щуплому и пожилому, задвинул свой стул и направился к лестнице, ведущей на второй этаж. Туда, где располагались комнаты постояльцев.

— Можно с вами поговорить? — обратился я к пожилому, который продолжил попивать из своей кружки.

Мужчины вопросительно уставились на меня.

— Чего тебе? Снова поплохело? — насторожился пожилой.

— Нет, про камень спросить хотел.

— А-а, красивый, правда? Только что ж ты его схватил-то? Украсть хотел? — брови старателя грозно сдвинулись к переносице.

— Нет, не украсть. Просто посмотреть, — как можно более равнодушно ответил я. — Откуда он у вас?

— На берегу нашел, когда дно промывал. Он весь в глине был, поэтому сначала за булыжник принял и хотел выбросить, а потом гляжу — голубое пятно. Отмыл и увидел, что камень какой-то необычный. В первый раз такой вижу. Даже не знаю: драгоценный он или нет?

— Так что ж ты к местному ювелиру не ходил и не показал камень? — спросил щуплый. — Уж они-то точно знают, что можно продать, а что — выбросить.

— Ходил я. Только и ювелир не знает. Говорит, что на бирюзу немного похож, но точно не может сказать. Вот и посоветовал в столицу поехать и в Горный департамент сходить. Не хотел никуда ехать, да самому любопытно стало.

— Отдайте камень мне! Я как раз в столицу направляюсь! — выпалил я и сам себе удивился.

И чего это я из-за какого-то камушка так разволновался? Никогда за мной такого не водилось. Вообще я довольно равнодушен к различным роскошествам.

— Отдать? С ума сошел? А если он сотню рублей стоит, а

я тебе задаром отдам? Не-е, так не годится, — мотнул головой пожилой старатель и убрал сверток в карман.

— Тогда продайте, — не отступал я.

— На кой он тебе? Ведь еще непонятно, что за камень, — подозрительно прищурился мужчина. — Или ты что-то знаешь?

— Ничего не знаю. Просто красивый. Девушке любимой подарю, — я сделал равнодушное лицо, хотя внутри весь напрягся, ожидая ответа старателя.

— Ну не знаю, — протянул он. — Сначала кидаешься на него, потом просишь продать... А если я тебе продам и прогадаю? Вдруг он дорого стоит?

— А если он ничего не стоит? Тогда зря потратитесь на дорогу до столицы и обратно и ничего не получите, — с нажимом произнес я.

Пожилой посмотрел на щуплого. Тот пожал плечами и ответил:

— Делай, как знаешь. Я бы в Москву из-за такой ерунды не ехал. Если это бирюза, то ее задорого не продашь, даже если хорошего качества. А если плохого — так вообще никто ее не купит.

Пожилой задумчиво прижал руку к карману, в котором лежал камень. Я замер и даже дышать перестал — так мне хотелось заполучить этот камень. Не знаю, что я с ним буду делать и как его можно использовать, но внутреннее чутье подсказывало, что нельзя камень упускать. Возможно, позже

пойму, что это за артефакт такой и почему в нем столько необычной магической энергии.

— Сколько готов за него заплатить? — наконец спросил старатель и внимательно посмотрел на меня.

— Десять рублей? — предложил я, прекрасно понимая, что сейчас могу выложить перед стариком все деньги, лишь бы заполучить камень.

— Мало, — мотнул он головой.

— Двадцать. Больше не могу, — ответил я, видя, что старик уже начал колебаться.

— Хм... Ладно. Давай двадцатку, и камень твой, — кивнул он.

Я всегда носил рюкзак с деньгами с собой, поэтому вернулся к своему столу, распахнул ворот рюкзака и, убедившись в том, что никто не подсматривает, полез за деньгами. К счастью, я успел накопить достаточно, когда жил в Иркутске, к тому же накопленное Ерофеем прихватил, поэтому не боялся остаться без денег.

— Держите, — протянул я сложенные купюры.

Мужчина пересчитал их и даже посмотрел на свет, проверяя, настоящие деньги или нет, и только после этого отдал мне сверток.

— Слушай, я тебе сейчас свой адрес напишу. Когда узнаешь, что за камень, напиши мне, а то жуть как интересно, — он полез в карман и вытащил смятые листки бумаги и огрызок карандаша. — Обратно я у тебя его не попрошу, но не

смогу спокойно спать, пока правду не узнаю. Любопытный я с детства.

— Хорошо, напишу, — пообещал я и забрал лист с адресом.

Доев свой остывший ужин, расплатился со служанкой, попрощался со старателями, которые все еще сидели за столом и обсуждали свою работу, и поднялся к себе. Когда запер дверь и зажег свечу на столе, опустился на скамейку и развернул сверток. На меня вновь хлынул поток магической энергии. Я поостерегся брать его в руку и только внимательно осматривал.

Камень был идеально гладкий, без вкраплений. Я провел по нему пальцем и почувствовал теплый поток, растекающийся по руке. Неужели остальные не чувствуют эту энергию? Странно.

Полчаса я осматривал камень, прикладывал его к себе и даже нюхал, но не мог понять, что это за энергия и почему она не накапливается во мне, а лишь расходуется, как тепло от печи.

Наконец я убрал его на самое дно рюкзака и лег спать. Чувствую, когда-нибудь я разгадаю его секрет, но точно не сейчас. Видимо, еще не пришло время. Но я умею терпеливо ждать.

На следующее утро, перед тем как умыться, я снова полез в рюкзак и вытащил камень. Теплая волна прокатилась по всему телу и взбодрила меня. Ну что ж, хоть на что-то он

сгодился.

Спустившись в трактир, увидел, как девушка-служанка сонно перемещается между столами и смахивает крошки на свой подол.

— Доброе утро, красавица, — улыбнулся я ей.

— Доброе, — буркнула она. — И чего вам не спится? Я бы до обеда голову от подушки не отрывала. Так спать хочется, — пожаловалась она и подавила зевоту.

— Могу помочь, — предложил я, на что девушка испуганно отшатнулась. Уж не знаю, что она подумала, но пришлось объясниться, чтобы успокоить:

— Я — знахарь и знаю, как быстро прийти в чувство после бессонной ночи.

— И как же? — заинтересовалась она, успокоившись.

— Дайте руку.

— Зачем? — вновь напряглась она.

— Ничего страшного делать не собираюсь. Лишь повожу пальцем по вашей ладони, — улыбнулся я.

Девушка осторожно протянула руку, на которой я нарисовал руну «Бодрости».

— И правда лучше стало, — обрадовалась она, когда руна вспыхнула и пропала, одарив девушку потоком моей энергии. — Даже силы появились.

— Вот и замечательно. Тогда принесите мне яичницу и чай с молоком, а заодно подскажите, куда мне сходить в вашем городе? Может, достопримечательности есть?

— Есть, конечно, — с готовностью ответила она. — Город у нас большой и красивый. Можно в сад Горохова сходить или в храм Ли́ка Истинного, что стоит на площади.

— Нет, в храм точно не пойду. Да и в саду мне неинтересно будет, — мотнул я головой.

— Ну тогда можно в театр сходить. Купец Королев открыл. Говорят, там спектакли интересные ставят. Я однажды там была. Так смеялась, что даже опися... Ой, — она раскраснелась и, чтобы скрыть смущение, быстро продолжила: — а еще можно купеческие усадьбы посмотреть на улице Астахова и в наш краеведческий музей сходить.

— Ладно, прогуляюсь, — кивнул я и хотел пройти за стол у окна, но она схватила меня за рукав.

— Сходите в Анатомический музей. Недавно открылся. Я там не была, но, говорят, там такая жуть, что даже страшно становится.

— Что еще за жуть? — заинтересовался я.

— Куски тел, органы и прочее, — вытаращившись, прошептала она. — В общем, я туда ни за какие коврижки не пойду, но тем, кто любит нервишки пощекотать — самое место.

— А где он находится?

— На проспекте Говрилина. Большое такое здание с колоннами.

— С колоннами? Странно, не видел ни одного каменного здания.

— В центре каменных полно, а здесь их нет. И хорошо, я считаю. Камень — он холодный, а дерево — теплое. Тем более наши мастера так стараются, что глаз радуется. Будто не по улице идешь, а по музею.

— Это верно. Еще нигде не встречал так нарядно украшенных домов, — признался я и сел за стол.

Служанка принесла мне завтрак и продолжила уборку. Вскоре друг за другом начали спускаться остальные постояльцы. Я дождался, когда наступит восемь утра, вышел на улицу и, уточнив у прохожего, где находится проспект Говрилина, двинулся в указанном направлении.

День был хороший, солнечный. Прохожие доброжелательно улыбались. Даже собаки брехали не так зло, как в других местах. Будто все здесь радовалось моему прибытию. А может, все дело в том, что у меня было превосходное настроение. Во-первых, я выспался. Во-вторых, плотно и вкусно позавтракал. А в-третьих, заполучил такой удивительный камень. Рюкзак был у меня за спиной, поэтому даже через плотную ткань я чувствовал тепло, исходящее от него.

В центре города, как и говорила служанка, начали попадаться каменные дома. Среди разноцветных украшенных деревянных домов они выглядели блеклыми и безликими.

Прохожие направили меня прямо к Анатомическому музею. Я подошел к большому каменному зданию с колоннами, но, как только я начал подниматься на крыльцо, мне навстречу вышел строгий усатый мужичок в ливрее и фуражке.

— Учеба закончилась. В университете никого нет.

— Разве не здесь находится Анатомический театр? — удивился я и прищурился, сиюсь разглядеть надпись на вывеске у двери.

— А-а, музей, — он махнул рукой куда-то налево. — Вам надо за угол завернуть. Он в бывшем химическом корпусе.

— Ясно, спасибо.

Я обошел здание и увидел небольшую табличку, на которой красной краской было написано: «Анатомический театр Томского университета».

Дверь в так называемый театр была деревянная и какая-то хлипкая. Не так я себе представлял вход в такое интересное заведение. Пересчитав монеты в кармане, взялся за ручку двери и потянул ее на себя. В нос ударил затхлый запах старого помещения, пыли и эфиров спирта.

Переступив порог, очутился в узком темном коридоре, который заканчивался светлым прямоугольником следующей двери.

— Молодой человек, мы еще не открылись, — проскрипел старческий голос, едва я дошел до помещения, в котором виднелись бесчисленные полки и стеллажи.

Прямо передо мной оказался маленький сгорбленный человек в белом халате и в круглых очках на носу. Он едва доходил мне до плеч и производил впечатление очень хрупкого. Так выглядит хрустальная ваза на тонкой ножке. Кажется, стоит только ее задеть, как она упадет и разлетится на

мелкие осколки.

— Я хочу лишь посмотреть. Проездом в вашем городе, поэтому очень спешу. Это не займет много времени, — заверил я.

— Если вы ожидаете увидеть здесь что-то интересное, то хочу вас предупредить: у нас довольно маленькая коллекция экспонатов. Вы не найдете у нас мутаций или страшных увечий.

— Хорошо, но я все же хочу посмотреть, — с нажимом повторил я.

— Ну, раз вы так настаиваете, — пожал он плечами и уже хотел уйти с моего пути, но вдруг остановился и уточнил. — Бывали случаи, когда мне приходилось вымывать с пола чужой обед, поэтому я должен у вас спросить: как вы переносите вид крови, свежего красного мяса и тому подобного?

— Нормально переносу. Вообще-то я знахарь и чего только не видел.

— Знахарь? Как интересно. А не хотите получить образование в нашем университете?

— У вас можно отучиться на доктора? — с надеждой спросил я, ведь тогда мне не надо будет продолжать этот долгий путь, а можно будет осесть в этом уютном городе и получить образование.

— К сожалению, на докторов мы не обучаем. Только сестринское дело, — развел он руками, но тут же поспешил добавить: — но это не значит, что у нас учатся только девушки.

В группах почти четверть составляют молодые люди, которые после обучения отправляются работать в военные госпитали.

— Ясно, сестринское дело меня не интересует, — разочарованно выдохнул я.

— Ну, тогда не смею вам препятствовать. Как все посмотрите, прикройте дверь и приложите к ней палку, чтобы больше никто не заходил. А я пойду в главный корпус. У меня там дела, — он кивнул мне и бесшумно вышел из комнаты. Я остался один.

Я решил начать осмотр слева направо и двинулся вдоль первых полок, на которых белели черепа — не только взрослых людей, но и детей, а также различных животных. Далее располагались стеклянные четырехугольные банки, в которых в прозрачной жидкости находились органы, части тела, сосуды и прочее.

Я с интересом разглядывал каждый экспонат и читал табличку к нему. В самом конце небольшого помещения на кусках стекла лежали тонкие срезы тканей. А у двери стоял длинный металлический стол, рядом с которым на стене висел плакат с надписью: «Правила препарирования».

Окинув взглядом помещение, я вышел на улицу и задумчиво двинулся по дороге. Как же много мне предстоит узнать! Ведь кроме уха, глаза и пальца я не угадал ничего. Хорошо, что были таблички.

Я хочу стать первоклассным врачом, который будет опи-

ратся не только на руны, но и на знания человеческого тела и болезней. Тогда мне не надо будет тратить много сил и энергии, подбирая нужную руну. Я точно буду знать, на что и как воздействовать, чтобы помочь человеку.

Воодушевленный, я двинулся по дороге в сторону пристани, которая виднелась вдали. Я передумал задерживаться в этом городе еще на день. Уж лучше пуститься в путь раньше, чтобы осталось время на подготовку к экзаменам. Я должен поступить в академию, чего бы мне это ни стоило.

Глава 2

Я бодро двигался в сторону пристани, которая находилась не в самом городе, а чуть поодаль, выше по течению. Издали были видны многочисленные постройки. Наверняка часть из них была приспособлена для обслуживания пароходов и барж, а часть являлась складами, куда выгружали товар.

Как оказалось, пристань располагалась довольно далеко, хотя с возвышенности казалось — рукой подать. Я потратил более получаса на дорогу и вскоре ступил на причал, на который в это самое время пришвартовывались сразу три судна.

— Уйди с дороги! Встал тут, как истукан! — слышался рядом злобный крик.

Я едва успел отойти в сторону, как мимо меня трое грузчиков прокатили по скрипучим деревянным доскам промасленные бочки.

Я посмотрел им вслед и не спеша двинулся дальше, оглядываясь. Здесь было довольно оживленно: матросы, купцы, торговцы и хорошо одетые люди, которые, видимо, были пассажирами, сновали туда-сюда. Отовсюду слышались крики и сигналы корабельных гудков.

Вдоль берега стояли суда: пароходы, баржи, лодки. От пристани на судно или в другую сторону то и дело перебежали рабочие с тяжелыми мешками и ящиками. Между склад-

ских помещений расположились трактиры, откуда пахло горелым маслом, жареным мясом и прокисшей брагой. На пустой бочке сидел пьяный матрос и во все горло распевал песни. В общем, здесь был свой отдельный мир, который совсем не походил на красивый чистый городок, что находился на возвышенности.

— Извините, можно спросить?! — прокричал я мимо проходящему мужчине с цилиндром на голове и с тростью в руке. Ему было лет тридцать, и он шел по пристани не спеша, а не бегом, как все остальные.

Мне казалось, что он не расслышал меня, ведь здесь было довольно шумно: ветер, плеск воды, гудки пароходов, шум работающих механизмов. Однако мужчина остановился и, окинув меня строгим взглядом, спросил:

— Чем могу быть полезен?

— Мне нужно добраться до Тюмени. Где билеты продают? Или как тут все устроено? — я подошел к нему вплотную, чтобы не мешать постоянно перемещающейся толпе.

— Билеты покупают в конторке, — он махнул рукой в сторону небольшого деревянного здания на берегу, которое выделялось среди остальной серости разноцветными ставнями.

— Спасибо, — кивнул я и хотел продолжить путь, но он меня остановил, выставив передо мной свою трость с набалдашником в виде головы орла.

— Постой. Ты торопишься или не к спеху в Тюмень?

— Тороплюсь. Даже очень, — признался я.

— Тогда бери билет на «Графиню».

— Почему?

— Быстрее парохода нет. Только два месяца как на воде. Груз не берет, только пассажиров перевозит. Сегодня вечером как раз отплывает. Правда, билет дорогой.

— Сколько?

— Если я правильно помню, — он поднял глаза вверх, вспоминая, — то самые бюджетные места стоили семь рублей. Второй класс уже десять, а каюты первого класса рублей пятнадцать. Знаю, что даже за двадцать есть. И за груз надо доплачивать шестьдесят копеек. Поторопись, пока все билеты не раскупили. «Графиня» пользуется успехом.

— Ясно, спасибо, — кивнул я и торопливо двинулся к «конторке», мысленно подсчитывая свои деньги. Должно хватить, но больше никаких серьезных трат, ведь неизвестно, когда и где смогу подзаработать.

Я зашел в полутьму здания и, когда глаза привыкли, увидел, что внутри довольно многолюдно. В небольшом зале стояли скамьи, на которых сидели пассажиры, обложенные вещами. От спертых воздуха, наполненного ароматами дешевых духов и воню немытого тела, непроизвольно задержал дыхание.

Осмотревшись, увидел слева окошко, рядом с которым висела написанная от руки табличка. В самом окошке виднелась чья-то лысая макушка.

— Здравствуйте. Я бы хотел купить билет, — я подошел

и склонился к окошку.

— Здорово, — буркнул пухлый плешивый мужичок, обтянутый мундиром так, что пуговицы еле держались. — Куда?

— В Тюмень.

— Когда?

— Сегодня.

— На «Ермаке» или «Иртыше»? — лениво спросил он, сверившись с каким-то документом.

— На «Графине».

Мужик повернул ко мне голову и удивленно посмотрел рыбьими навывкате глазами.

— Ты хоть знаешь, сколько билет на «Графиню» стоит?

— Знаю. От семи до двадцати рублей, — с готовностью ответил я.

— Второй и третий класс уже заполнены под завязку. Осталась каюта за двадцать рублей. Будешь брать? — он вновь посмотрел в документ.

Если честно, то я рассчитывал на каюту за семь рублей, а двадцать... Это же почти в три раза дороже! Еще еды надо в дорогу купить.

— Что стоишь? Бери или проваливай, — с раздражением бросил мужчина.

— Беру, — тяжело вздохнул я и полез в рюкзак.

Мужик забрал деньги своими пальцами-сардельками, пересчитал и убрал в большой сейф, стоящий за его спиной.

Затем вытащил какой-то бланк и снова протянул руку.

— Паспорт дай.

Я протянул документ. Тот внимательно прочел его, посмотрел на меня изучающим взглядом и сделал запись на бланке. Затем вставил бумажку в паспорт и вернул мне.

Это был билет. На самом верху значилось название парохода: «Графиня». Затем маршрут: Томск – Тюмень, первый класс и первая каюта, дата отправления и точное время: восемь часов вечера. Чуть ниже от руки было написано мое полное имя. Ну вот и все, снова в путь. Одно печалит: придется расстаться с Пепельной.

Я вышел из конторы и двинулся в сторону города. Все мои мысли были только о лошади. Что с ней делать? Куда девать? Если бы она была молода, то можно было бы продать извозчикам, но ведь даже невооруженным взглядом было видно, что Пепельной уже много лет, не меньше пятнадцати: шерсть местами поседела, грива и хвост поредели, суставы на ногах утолщились и нижняя губа отвисла. В общем, задорого не продашь, но и бесплатно отдавать не хочется.

Когда добрался до постоянного двора, первым делом свернул в конюшню, где Пепельная не спеша жевала жесткую солому.

— Здравствуй, старушка. Пришло время прощаться, — я подошел и погладил ее по морде.

Лошадь по обыкновению принялась щипать ворот моей рубашки и шумно выдохнула прямо в ухо.

— Не хочу с тобой прощаться, но выбора нет. Спасибо тебе за все. Ты была мне верным другом и надежной попутчицей. Без тебя мне было бы туго.

Лошадь замерла, прислушиваясь к моим словам и смотря на меня большими глазами из-под длинных ресниц. Мне показалось, что она поняла все, что я ей сказал. Шумно выдохнув, Пепельная прижалась носом к моему плечу.

Я потрепал ее по гриве, велел конюху насыпать побольше овса в кормушку и вышел на улицу. На душе было прескверно. Даже с друзьями из Иркутска мне не было так тяжело прощаться, как с лошадыю.

Увидев на крыльце хозяина постоянного двора, поспешил к нему.

— Подскажите, кому могу лошадь свою продать?

— Ты про свою мышастую? — хмыкнул он и, заложив большие пальцы в кармашки жилета, спустился с крыльца.

— Да, про нее.

— На мясо сдай, — равнодушно ответил он, вытащил карманные часы и посмотрел время.

— Нет, никогда этого не сделаю.

От одной мысли о том, что можно сдать друга на мясо, становилось не по себе.

— Ну тогда предложи крестьянам. Они много не дадут, но даже твою рухлядь возьмут.

— Ладно, придумаю что-нибудь, — сухо ответил я и добавил: — кстати, я сегодня вечером уезжаю, поэтому верни-

те оплату за второй день.

Хозяин недовольно поморщился, затем вытащил из кармана широких шаровар кожаный кошелек и, не говоря ни слова, протянул мне несколько монет. Я же забрал деньги и зашел в трактир.

Пока ждал свой заказ, подошел к каждому и предложил купить лошадь. В основном все отказывались, ведь были проездом и приехали на своих лошадях, но один согласился посмотреть. Увиденное ему не понравилось, поэтому покупателя не нашлось.

После ужина, состоящего из стерляди с хреном, горячего бульона с почками и жареной рыбы, я снова вышел на улицу и пошел на поиски того, кому можно если не продать, то хотя бы отдать Пепельную.

Оказавшись за воротами, двинулся не к центру города, а, наоборот, в пригород. Туда, где были дома попроще и люди победнее. Едва повернул на перекрестке, увидел, как молодой мужчина в лаптях тянет нагруженную мешками телегу, а два мальчика лет восьми толкают ее сзади, помогая.

— Раз, два — взяли, — командовал мужчина и, стиснув зубы, тянул оглоблю. — Поднажмите, ребята, недалеко осталось.

— Я вам помогу! — крикнул я, подбежал, встал рядом с мальчиками и с силой надавил на доски.

Телега действительно оказалась довольно тяжелой. Мальчики отошли, чтобы не мешать мне, а мы вдвоем с их отцом

довезли ее до калитки.

— Благодарствую за помощь, — мужчина вытер рукавом пот со лба и протянул мне большую мозолистую руку.

— Не за что, — отмахнулся я, но руку пожал. — Что в телеге?

Я взглянул на мешки, в которых угадывалось что-то угловое.

— Кирпичи удалось подешевле купить. Надо печь переложить, а то осыпалась вся. Сам знаешь, какая у нас зима.

— Да уж, без печи никак, — поддакнул я, хотя понятия не имел, что тут за зимы. — А чего сам телегу тащил? Где лошадь?

— Нету у нас лошади. Была, да в прошлом годе сдохла от какой-то болячки. Есть перестала, потом изо рта кровь пошла, и померла за двое суток.

— Что ж новую не купите?

Вместо ответа мужчина лишь хмыкнул и оглядел меня с ног до головы. Одет я был хорошо, дорого, поэтому он, наверное, решил, что я не пойму их проблем.

— Ладно, пойду выгружать. Еще один раз надо съездить, остатки привезти, — он открыл калитку и, взвалив на плечо мешок с кирпичами, на полусогнутых двинулся к сараю.

Мальчики раскрыли ворот одного из мешков и, прихватив по три кирпича, пошли за отцом. Я посмотрел им вслед, развернулся и двинулся обратно к постоялому двору. Ну вот и нашлись новые хозяева для Пепельной. Уж они-то будут

ее холить и лелеять, ведь замены у них нет и, по-видимому, не предвидится.

Почистив бока и копыта лошади жесткой щеткой, накинул на ее спину новую подкладку из войлока, запряг и вывел из конюшни. Лошадь шла нехотя и опустив голову, чувствовала, что пришло время прощаться. Я как мог бодрился, чтобы не передумать, ведь даже уже подумывал взять Пепельную с собой в Тюмень. Однако этот поступок был бы безрассудным, ведь я не знал, что еще меня ждет в пути, кроме того, что своим ходом я больше ехать не буду.

Когда я добрался до крестьянского дома, мужчина уже заносил во двор последний мешок. Уставшие мальчишки сидели на крыльце и пили молоко из глиняных кружек.

Мужчина запер сарай на навесной замок, повесил ключ на шею и двинулся к калитке, когда увидел меня.

— Еще решил помочь? — невесело усмехнулся он. — Но ведь мне платить нечем. Все деньги на кирпичи спустил.

— Да, решил помочь, но по-другому, — ответил я и подвел Пепельную к забору. — Сегодня в восемь вечера отплываю в Тюмень. Обратно не вернусь, поэтому хочу лошадь свою...

— Нет денег. Последний рубль детям на хлеб оставил, — перебил он и с сожалением посмотрел на меня.

— Деньги не нужны. Возьми просто так, за спасибо. Заботься о ней и не обижай. Пепельная мне очень дорога. Как родная, — я печально вздохнул и провел рукой по морде ло-

шади, которая снова начала щипать губами мою одежду, таким образом проявляя нежность.

— Неужто правда отдаешь? — он все еще не мог поверить. — И даже пятерку не попросишь?

— Нисколько не попрошу. На, держи, здесь овес и кукуруза остались, — я протянул ему мешок, который на четверть был заполнен зерном.

Мужчина несмело забрал мешок, а я напоследок обнял Пепельную за шею и двинулся прочь, ни разу не оглянувшись. Тяжело мне было, будто с родным человеком попрощался, а не с лошадью.

Вернувшись в постоялый двор, перебрал свои вещи и выложил то, без чего могу обойтись, ведь теперь все нужно будет таскать самому. Оставил кое-что из одежды и всю еду в трактире на лавке, предупредив присутствующих, что те могут забрать, что пригодится. Через пять минут ничего не осталось. Нисколько не стесняясь, люди подходили, примеряли вещи и, если кому что подходило, забирали. Еду: сухофрукты, орешки, пастилу и сухари — смели тут же. Оно и понятно, в дороге может пригодиться. Я же решил прикупить только готовую еду на первое время, а потом питаться на пароходе, ведь наверняка за двадцать рублей должны кормить бесплатно.

Время шло мучительно медленно. Я то и дело смотрел на часы, но стрелки будто нарочно двигались еле-еле. После того как отдал Пепельную, мне хотелось как можно быстрее

покинуть этот город. Он больше не казался мне дружелюбным.

В семь вечера, взвалив на себя вещи, я вышел со двора своего временного пристанища и, поймав извозчика, поехал к пристани. Совсем скоро начнется новая глава моей жизни. Не знаю, что меня ждет, но чувствую — будет интересно.

Народ уже толпился на пристани, куда пришвартовалась «Графиня», когда я подошел к нужному месту. Длинный пароход был сделан из железа. По бокам возвышались огромные гребные колеса, которые приводили судно в движение. Над палубой виднелись капитанский мостик и несколько надстроек с каютами. Из высокой дымовой трубы вился еле заметный дымок.

— Быстрее бы уже сажали, а то от этой сажи у меня вся шляпка в черных крапинках, — пожаловалась стройная девушка в белом платье и в такой же светлой шляпке дородной матроне, которая, скорее всего, была сопровождающей или служанкой.

— И то верно. Вечно тянут. Нет бы сразу сажать, — пробурчала та и исподлобья посмотрела в сторону судна.

Я оглядел толпу и заметил, что пассажиры не из простых: мужчины в дорогих дорожных костюмах, дамы в изящных платьях и накидках с оборками. Часто рядом с хорошо одетым человеком стоял щуплый мужичок с тяжелым чемода-

ном в руках или служанка.

Вдруг издали услышал крик «Строимся!», и толпа пришла в движение. Мужчины великодушно уступали первенство дамам, а те в свою очередь благодарили и одаривали их либо кокетливым взглядом, либо изучающим.

Я не стал вставать в общую очередь, решая пропустить вперед всех и взойти на судно последним. Заодно присмотрюсь, ведь именно с ними мне предстоит плыть... Интересно, сколько дней плыть до Тюмени?

— Послушался моего совета, — ко мне подошел тот самый мужчина, который рассказал про графиню.

— Да, спасибо. Не подскажете, сколько плыть до Тюмени?

— До Тюмени? — задумался он, что-то прикидывая в уме.

— Недели две.

— Две недели? — разочарованно протянул я, ведь намеревался прибыть в Москву гораздо раньше.

— Это еще быстро. На грузовом пароходе с их длительными остановками для погрузки и разгрузки ты бы месяц плавал по нашим рекам, — усмехнулся он, увидев мою реакцию.

— Ну ладно, ничего не поделаешь, — выдохнул я в надежде, что это последний отрезок пути, на который я трачу столько времени.

— Кстати, позволь представиться — Воронцов Андрей, купец второй гильдии, — он протянул мне руку.

— Степан Устинов, знахарь, — я пожал протянутую руку.

— Знахарь? — заинтересовался Воронцов. — Неужто ле-

чить умеешь?

— Умею, — кивнул я. — А что такое? Болезнь какая-то одолела?

— Кто ж в моем возрасте здоровый? — усмехнулся он. — А не больно ли ты молод для знахаря?

— Нет, в самый раз, — я старался сохранять спокойствие, хотя такие вопросы меня напрягали. Все видели не меня настоящего — взрослого сильного мужчину, а щуплого паренька, которому больше пятнадцати и не дашь. Иногда я забывал об этом и вел себя так, как привык в прошлой жизни.

— Ну ладно, еще пообщаемся. Дорога-то длинная, а я очень люблю заводить знакомства с необычными людьми, — он кивнул и двинулся к очереди, сжимая в одной руке свою трость, а в другой — кожаный саквояж.

Очередь продвигалась быстро, поэтому вскоре уже я протягивал мужчине в бескозырке и синей фланелевой рубашке билет и паспорт. Тот сверился со списком, просмотрел мои документы и, ни разу не взглянув на меня, отвернулся, ожидая следующего, но больше никого не было.

Я прошел по деревянному настилу с пристани на пароход и огляделся. Куда идти?

— Не подскажите, где первая каюта? — обратился я к матросу, который оттирал со стены надстройки черные пятна.

Мужчина повернулся ко мне, мельком взглянул и, вернувшись к своему делу, бросил через плечо:

— В трюме. Неужто отбилса от хозяина?

— Ага, — ответил я и пошел на поиски трюма. Пусть думает, что хочет. Не буду же я каждому встречному объяснять, что купил самый дорогой билет.

Лестницу в трюм нашел быстро и удивился тому, как здесь хорошо все устроено: на полу — мягкий ковер, на стенах — светильники, где под плафонами горел огонь, на двери каждой каюты — медный номер. Каюта под номером один располагалась в самом конце коридора, в носовой части парохода.

Я потянул дверь на себя и чуть нос к носу не столкнулся с моим новым знакомым Андреем Воронцовым.

— О-о, так мы еще и соседи? — обрадовался он.

— Получается, что так, — я зашел в каюту и осмотрелся.

Слева — двухъярусная кровать, справа — два мягких диванчика и стол, прибитый к полу. В углу — сундук для вещей, а рядом умывальник и два полотенца. Еще никогда я не был в таком комфорте. Вот что значит — первый класс.

— Ты какую кровать выберешь: на первом или втором ярусе? — Андрей закрыл за мной дверь.

— Мне все равно, — я опустил свою поклажу на пол.

— Тогда я бы выбрал первый, а то высоты боюсь, — усмехнулся Андрей и вдруг вытаращил глаза. — Как хорошо, что ты здесь. У меня к тебе важное дело. Только об этом никому ни слова. Обещаешь?

— Обещаю.

— Значит, слушай...

Глава 3

Пароход будто немного дернулся. Ровный гул парового двигателя усилился, слышался мерный стук колес, касающихся воды. Снаружи раздались выкрики командира корабля, какой-то скрежет, и я почувствовал легкую качку. Пароход отплывал от берега.

Мой новый знакомый понизил голос и продолжил:

— Я здесь инкогнито. Для всех я всего лишь купец второй гильдии, но это не совсем так, и я считаю, раз мы будем жить вместе, то ты должен об этом знать.

— И кто же ты такой на самом деле?

— Засланец, — усмехнулся он. — По всем документам я владею лишь фабрикой по производству краски, но в действительности я вложился в одно дело и хочу, чтобы оно процветало. Понял?

— Не совсем, — признался я.

— Я вложился в пароходство Вадима Лукьяненко. Судостроитель такой. Мы будем перевозить пассажиров не только по рекам нашей империи, но и планируем организовывать туры в Болгарию, Египет, Китай и даже в Австралию. Я нарочно плаваю на самых дорогих пароходах, чтобы использовать понравившиеся идеи в своих. Теперь понял?

— Понял, — кивнул я и опустился на довольно мягкий диванчик. — Только зачем ты мне об этом рассказал?

— Чтобы ты ничему не удивлялся, — подмигнул он мне.
— Вот здесь мне, например, нравится, что умывальник прямо в каюте, а не в общем коридоре. Это очень удобно. Но я бы еще дальше пошел и галльон тоже сделал в каждой каюте. По крайней мере, для первого и второго класса.

Он вытащил из внутреннего кармана дорожной куртки небольшую книжечку в кожаной обложке, развернул ее и сделал приписку карандашом.

— Про галльон записал? — улыбнулся я.

— Верно. Этот блокнотик — просто кладезь ценнейших наблюдений, — он взглянул на круглые часы, висящие на стене, и предложил: — пойдем в салон и выпьем чего-нибудь?

— Куда пойдем? — не понял я.

— В первый раз на таком пароходе, как «Графиня»?

— Я вообще ни разу на пароходах не плавал, только на лодке.

— А-а-а, ну тогда тем более мне нужно тебе все здесь показать. Переодевайся и пошли, — он открыл свой саквояж и вытащил аккуратно сложенную белую рубашку, сюртук, жилет, брюки темно-синего цвета и кожаные туфли.

Разложив все на своей кровати, критичным взглядом осмотрел и уже начал раздеваться, как удивленно воззрился на меня.

— Ты чего не переодеваешься?

— На мне и так все самое лучшее, — пожал я плечами.

Брови Андрея удивленно поползли вверх.

— Как же ты смог купить билет в первый класс?

— Накопил. Я уже много дней в пути, еду из Иркутска, поэтому с собой у меня нет никаких дорогих костюмов. Зачем лишний груз на себе тащить? — развел я руками, хотя, если честно, стало немного не по себе.

Только сейчас я понял, что попал в совсем другое общество и принимают здесь по-другому. Одежда здесь является визиткой, которую ты предъявляешь при первой встрече. Если одет неподобающим образом, то даже здороваться не станут.

На мне был хороший кафтан и мягкие кожаные сапоги, но обычно так одевались ремесленники или торговцы, но никак не интеллигенция или аристократы.

— Хм... Так на ужины выходить нельзя — засмеют, — задумчиво сказал Андрей, застегивая жилет. — Подожди, я попробую найти тебе что-нибудь.

Он справился с пуговицами и двинулся к выходу.

— Не надо, я как-нибудь...

— Жди, — прервал он меня и скрылся за дверью.

Не знаю, что он задумал, но, кажется, этот человек знает, что делает. Ожидая его возвращения, расстелил свою кровать, сложил вещи в сундук и вытащил одну из книг, что взял с собой. Это было произведение писателя по фамилии Тургенев. Помнится, Полина его очень хвалила.

Кстати, как она поживает? Как справляется с Алевтиной?

А может, они с Сергеем уже выехали в Москву? Надо было отправить телеграмму из Томска, но да ладно, прибуду в Москву и уже оттуда напишу Базарову, а также Илье, Семёну и Феде. Обещал ведь.

Едва перевернул первую страницу книги, как дверь каюты открылась, и вошел Андрей со свертком в руках.

— На, примерь. Сходил к капитану, и тот предложил. Один из пассажиров забыл в постирочной.

Он развернул сверток, и оказалось, что это черный сюртук, штаны и белая рубашка. Даже на первый взгляд было понятно, что одежда мне великовата, но Андрей настоял на том, чтобы я примерил.

— Ну вот, сейчас здесь немного булавкой подцепим, и не будет болтаться, — сказал он, когда я переоделся и покрутился перед ним.

Вытащив из саквояжа коробочку, в которой оказались швейные принадлежности, он выбрал подходящую булавку и приколот ее сзади к сюртуку с внутренней стороны.

— Да, так лучше, — признал я, ведь теперь сюртук был мне впору по талии.

— Я ведь не всегда купцом был. Отец мой, Марк Иосифович, гувернером при барчонке служил, а матушка из хорошей, но обедневшей помещичьей семьи. Денег у нас всегда было в обрез, поэтому часто за родней донашивал и многое перешивал своими руками, чтобы не показать, в каком бедственном положении находится моя семья. Жаль, родители

не дожили до моего богатства и не знают, кем я стал, — печально вздохнул он, но тут же вскинул голову и улыбнулся. — Ну что ж, пошли. Выведу тебя в светское общество.

Мы вышли из каюты, и Андрей запер дверь. Поднявшись на палубу, я увидел, что огни Томска остались далеко позади. С двух сторон в полутьме виднелись черные силуэты деревьев, над рекой поднимался туман, а на поверхности воды отражались огни парохода. Со стороны кормы с надстройки слышались разговоры, смех и брелчание балалайки.

— В третьем классе всегда веселее, чем у нас, — сказал Андрей. — Простой народ всегда умел веселиться, не то что чопорная интеллигенция. Но и у нас есть развлечения. Пошли.

Мы двинулись в сторону носа корабля до еще одной надстройки, которая даже в полутьме выглядела очень даже презентабельно: в высоких стеклянных окнах виднелись хрустальные люстры и пышные прически дам. Я еще раз окинул себя взглядом. Если не сильно присматриваться, то незаметно, что на мне одежда с чужого плеча. Правда, вместо туфель пришлось надеть сапоги, но голенища хорошо спрятались в брючины, поэтому выглядело вполне сносно. Андрей перед выходом дал мне какой-то крем, после нанесения которого кожа обуви заблестела так, будто была лакирована.

Мы поднялись по лестнице, зашли в двустворчатые двери и оказались в большом зале, поделенном на зоны. Впереди вдоль окон стояли мягкие диваны, кресла с журнальными

столиками и черный рояль, на котором наигрывал ненавязчивую мелодию пожилой мужчина с зачесанными назад смоляно-черными волосами. Справа в укромном уголке располагались полки с книгами и кресла. А слева за барной стойкой слуга разливал в бокалы белое вино.

К нам подошел крупный мужчина и, чуть склонив голову, поздоровался:

— Добрый вечер, господа. Позвольте узнать номер вашей каюты.

— К счастью, нам досталась самая лучшая каюта «Графини» под номером один, — улыбнулся Андрей, взял с барной стойки бокал с вином и двинулся вглубь салона к мягким диванам, где уже собрались человек десять.

Я уже хотел последовать его примеру, но мужчина преградил мне дорогу и вытащил из кармана лист бумаги.

— Имя свое назовите, — от былой вежливости и учтивости не осталось и следа.

— Степан Устинов. А что такое? — в моем голосе послышался металл.

Я понимал, что от опытного взгляда не ускользнет то, что я одет как попало, но это не значит, что меня можно принимать.

— Третьему классу сюда проход закрыт, — буркнул он, разворачивая свою бумагу.

Прищурившись, он пробежался взглядом по тексту, с раздражением выдохнул и отошел в сторону.

— Прошу, проходите.

Я хмыкнул, взял бокал и подошел к Андрею, который как раз здоровался с присутствующими.

— Дамы и господа, позвольте представить вам моего соседа по каюте — Степана Устинова, — сказал Андрей, с улыбкой посмотрел на меня и добавил: — Этот парень не так прост, как может показаться.

— А что такое? Я не могу припомнить никого по фамилии Устинов, — заинтересовалась барышня в лиловом платье и с перьями в причёске.

— Любезная Клавдия Петровна, перед вами настоящий сибирский знахарь, — он горделиво задрал нос, глядя на меня.

Семеро мужчин и три женщины, которые до этого не обратили на меня особого внимания, теперь с интересом приглядывались.

— Какие методы лечения используете? — спросил взрослый мужчина в клетчатом костюме и с аккуратно подстриженной бородой.

— С помощью способности духогляда я могу найти болезнь, а вот лечу рунами, — ответил я и отпил кислый слабоалкогольный напиток.

— Погодите-ка, кажется, я в какой-то статье читал нечто подобное, — вступил в разговор молодой человек, одетый с иголочки. Даже перстни на пальцах имеются, и на манжетах вместо пуговиц сверкают прозрачные камни. Драгоценные,

наверное. — Но так и не понял, что значит: лечить рунами. Объясните, как это? Что за технология?

Все снова уставились на меня, ожидая ответа. Я почувствовал себя зверем в клетке, на которого все приходят посмотреть.

— Руны состоят из магических знаков, которые имеют свою силу и свойство. Я просто подбираю их и насыщаю своей энергией, — как можно более доступным языком объяснил я.

В моем прошлом мире руномагия была достаточно распространенной и не надо было объяснять, что это такое. В этой же я пока не слышал ни про одного руномага и, судя по тому, как удивлялись все встречные мне люди, они тоже ничего не знали о таких магах.

— Звучит так легко, но, если честно, мне даже трудно это вообразить, — молодой человек протянул мне руку. — Сигизмунд Вебер, литературовед и преподаватель Московской гимназии искусств.

— Степан, — я пожал протянутую руку и, чтобы перевести разговор в другое русло, сразу же спросил: — Вы знаете писателя по фамилии Тургенев?

— Еще бы! Я с ним лично знаком. Иван Сергеевич — талантливейший человек. Умный и тонко чувствующий. Его поэма «Параша» произвела на меня приятное впечатление. Он хорошо знает душу русского человека и просто отменно вплетает в произведение иронию...

Он еще что-то говорил, но уже не мне, а дамам, которые вмиг заинтересовались писателем. Я был этому только рад.

Мы с Андреем опустились на диван рядом с двумя пожилыми мужчинами, которые неспешно вели беседу, попивая вино.

— Вы слышали последние новости из Петербурга? — спросил седовласый мужчина, который так прямо держал спину, что даже мне захотелось выпрямиться.

— Вы про реформу образования? — уточнил второй и стряхнул пепел с сигары в пепельницу. — Если все доведут до конца, то это решение может значительно изменить положение дел в губерниях.

— Согласен. Остается надеяться, что реформа пойдет на пользу стране, а не вызовет лишние волнения.

В это время рядом со мной опустилась та самая дама с перьями.

— Скажите, Степан, а вы часто путешествуете?

— Нет, в первый раз, но уже месяц в пути.

— И как вам виды? Вы согласны с тем, что нет ничего прекраснее родной земли?

— Согласен, — выдавил я, ведь только сейчас почувствовал тяжелый парфюм этой женщины. Таким я бы даже конюшню не прыскал, не то что себя. От нее исходил сильный мускусный запах, будто я того самого волка, что подбросили к нашей двери, понюхал.

— А я в прошлое лето каталась по Волге до Казани. Ве-

ликолепные виды, и местные очень гостеприимны, но дорога достаточно утомительна.

— О чем речь? — к нам подсел Сигизмунд.

— Мы разговариваем о путешествиях, — ответила она.

— Ясно, но этим сейчас никого не удивишь. В наше время никто не хочет сидеть по домам, и все только и норовят попробовать что-то новое, — он откинулся на спинку дивана. — А вы знали, что «Графиня» оснащена самыми последними изобретениями? — он окинул нас внимательным взглядом, но ни мне, ни даме нечего было ответить. — Паровые машины теперь работают гораздо эффективнее благодаря новой конструкции котлов.

— Ну-ка, ну-ка, — к нам повернулся Андрей, который до этого беседовал с пожилыми мужчинами о реформе. — Расскажите-ка об этом поподробнее.

Ну ясно, хочет сделать очередную запись в свой блокнот. Мне же были неинтересны эти разговоры, поэтому я быстро допил вино, встал и двинулся к барной стойке.

Пить больше не хотел, ведь даже после одного бокала почувствовал легкое головокружение и нарушение координации.

— Есть что-нибудь безалкогольное? — спросил я.

— Квас, сбитень, вода, — предложил слуга, натирая бокал белым полотенцем.

— Дай воду.

Получив стакан с водой, я оперся спиной о стену и обвел

присутствующих вторым зрением. Болезни некоторых увидел сразу: воспаленное ухо, больные суставы, у некоторых — проблемы со зрением, но ничего серьезного. Оно и понятно, ведь люди, которых мучили боли, узнав, что я знахарь, тут же просили им помочь и убрать недуг.

В салоне было душно, поэтому я вышел на улицу, чтобы подышать прохладным ночным воздухом. Спустившись с надстройки на палубу, медленно подошел к перилам, когда вдруг со стороны кают для третьего класса услышал горестный крик, вырывающийся сквозь рыдания:

— Леня, сынок, живи!

Ноги сами понесли меня в сторону крика. Я вбежал в узкий темный коридор и остановился, пытаюсь понять, откуда он доносился.

Песен и музыки больше не было слышно, только тревожные разговоры за тонкими дощатыми стенами.

— Леня, попробуй вдохнуть. Ну же! Ты не можешь просто сдаться! — раздался тот же самый женский голос с надрывом прямо за дверью, находящейся слева.

Я взялся за ручку и рванул дверь на себя. Маленькая каюта была до отказа набита людьми. На стене в канделябре горели три свечи, разгоняющие темноту. Все на мгновение уставились на меня, но тут же перевели взгляды на человека, лежащего на узкой деревянной полке-кровати. Я силился разглядеть, что там происходит, но, сколько ни выглядывал через толпу, ничего не мог разглядеть. Только чувствовал

тяжелый гнилостный запах. Знакомый запах разлагающейся плоти.

— Пропустите! Я — знахарь! Пришел помочь! — крикнул я и принялся проталкиваться сквозь толпу.

Люди нехотя отходили в сторону, что-то недовольно бормотали, но я не слушал: все мое внимание было приковано к кровати, на которой лежал юноша примерно моего возраста. Он был бледный как полотно, безучастно смотрел перед собой и хрипло дышал.

— Пропустите! — выкрикнул я и довольно грубо отодвинул в сторону тучного мужика в зеленом мундире почтальона, который стоял прямо у кровати и преграждал мне путь.

— Эй! Куда прешь?! — возмутился он, но я даже не взглянул на него.

То, что я увидел, заставило меня остановиться. У юноши были задраны штанины до колена, поэтому я сразу заметил его почерневшие от гангрены стопы. Вот откуда разносился этот тяжелый запах — юноша гнил заживо.

Рядом с ним на коленях стояла пожилая женщина, держала его за руку и, рыдая, говорила:

— Потерпи, внучок. Скоро все закончится. Ты, главное, дыши.

Не говоря ни слова, я склонился над ногой юноши и на голени нарисовал руны «Облегчения боли», а затем руны «Исцеления». Он задышал ровнее и перевел взгляд на меня.

— Кто ты? — еле слышно спросил он.

В это время женщина тоже повернулась ко мне и недоуменно уставилась красными от слез глазами.

— Я — знахарь Устинов, — представился я. — Тебе стало лучше?

— Да, стало. Но... все бесполезно, — еле слышно, одними губами произнес он.

— Не говори так, Ленечка, — женщина поднялась на ноги, повернулась ко мне и молитвенно сложила руки. — Если можете — помогите. Умоляю. Если надо — мою жизнь возьмите, но внуку помогите. Родители уже рукой на него махнули, а я не могу. Вот везу в Тюмень к тамошним докторам, но ему все хуже.

Прежде чем ответить, я переключил зрение и увидел на обеих ногах черные сущности, раздувшиеся до размеров стоп. Болезнь почти на самой грани своего предела, еще чуть-чуть, и процесс будет необратим.

— Я попробую, но ничего не обещаю.

— Спасибо, спасибо, миленький. По гроб жизни буду тебе обязана. Сделаю все, что скажешь. Отдам все, что попрошишь, — протараторила она.

— Погодите благодарить. Позже, — махнул я рукой и повернулся к зевакам, которые с интересом наблюдали за мной. — Все на выход!

— Эй, ты чего раскомандовался тут? — вновь вступил толстяк, в то время как остальные потянулись к двери.

— Пошел вон! — взвизгнула старуха и пошла на него. —

Уйди, пока все глаза не выцарапала!

Ох и бойкая бабка! Даже гордость за нее взяла. Теперь понятно, почему она внука не оставила умирать, а купила билеты на один из самых дорогих пароходов и везет его в другой город.

Толстяк отступил и вышел последним, нарочно с силой захлопнув дверь. Мы остались втроем.

«Исцеление» с гангреной не справится, но была у меня одна руна, которая помогла вылечить почерневший палец плотника, запустившего рану настолько, что палец начал гнить.

— Пить. Хочу пить, — пересохшими губами произнес юноша.

— Сейчас-сейчас, миленький, — старуха торопливо вышла из каюты, а я проверил уровень энергии — все хорошо, должно хватить.

Прежде чем приступить к лечению, я решил узнать, что произошло, ведь от этого зависит, нужен ли дополнительный осмотр всего тела в поисках других болезней.

— Заболели ноги. Потом начали опухать. Дальше — больше. И вот, — Леня посмотрел на свои ноги, которые при ближайшем рассмотрении оказались не черными, а красно-сиреневыми.

— Ясно. Может, еще где-нибудь болит?

— Нет, не болит, — подумав, ответил он.

— Хорошо. Приступим, — я присел на край кровати, ко-

гда дверь открылась и вместе с пожилой женщиной, несшей кувшин с водой и кружку, зашел Андрей. Увидев меня, он с облегчением выдохнул.

— Вот ты где. Я тебя обыскался. Уж было подумал, что за борт свалился, — сказал он и, взглянув на юношу, ошарашенно выдохнул. — Вот те на. Это же гангрена.

— Почти, но еще не она, — ответил я. — Закройте дверь и никого не впускайте, чтобы не отвлекать. Хочу использовать сложную руну.

Андрей плотно закрыл дверь и встал рядом с ней, а пожилая женщина опустилась на пол у головы Лени и принялась поить его водой.

Мысленно воссоздав руну, я начал ее рисовать. Первым делом изобразил вертикальную линию — символ жизненной силы и потока энергии в теле, следом — расходящиеся «ветви». Эти ветви являются знаками выбора пути к исцелению. Затем внизу нарисовал небольшой круг, который обозначает целостность, заживление и восстановление тканей.

Эта руна, которую я назвал «Лифгард», укрепляет жизненную силу, помогает отторжению гниющих элементов и способствует восстановлению здоровья. Если она не поможет, то... Об этом не хочу даже думать.

«Лифгард» вспыхнул и пропал, а я принялся наблюдать за ногами Лени с помощью способности духогляда. Черная сущность сначала раздулась, словно бычий пузырь, затем покрылась красными прожилками и разлетелась на мелкие ош-

метки, которые тут же пропали, будто ничего и не было. Ко мне полетел шар энергии.

— Невероятно, — выдохнул ошеломленный Андрей и медленно приблизился к кровати, не спуская взгляда с ног юноши, которые из сиренево-красного приобретали здоровый цвет кожи. — Как тебе удалось?

— В этом и есть моя способность, — улыбнулся я.

— Все прошло. Здоровы ноженьки твои, Ленечка, — всплеснула руками старуха и бросилась мне под ноги, кланяясь и гулко стуча лбом об пол. — Благодарствую, знахарь! От всего сердца благодарствую! Проси все, что хочешь. Последнее отдам, жизни не пожалею.

— Встаньте, — я с усилием поднял ее на ноги. — Мне от вас ничего не надо.

— Нет-нет, так нельзя. На, бери, последнее, — она порылась в кармане цветастой жилетки и вытащила три рубля.

— Не надо, — строго сказал я, ведь прекрасно понимал, что у этих людей денег нет.

— Как же не надо? Как не надо? Ведь внучка моего спас, — она снова прослезилась и с умилением посмотрела на внука, который сидел на кровати и осматривал ноги так, будто не верил своим глазам.

— Я сам с ним расплачусь, — вмешался Андрей. — Будьте здоровы и берегите внука.

Он открыл дверь и качнул головой, зовя меня за собой, но тут пришел в себя излечившийся юноша, который по при-

меру бабки рухнул на колени и принялся благодарить. В общем, я еле вырвался и, оказавшись на палубе, вместе с Андреем поспешил в трюм к нашей каюте.

— То, что ты сделал, просто невероятно, — продолжал восторгаться Андрей. — О тебе должны все знать. Вся империя должна...

— Не надо, — прервал я его. — У меня нет права лечить людей, поэтому могу загреметь в тюрьму. Направляюсь в Москву именно для того, чтобы поступить в медицинскую академию и, отучившись, получить разрешительные документы.

— А-а, ясно, — приуныл он.

Мы зашли в каюту, умылись и разошлись по кроватям. Время было уже полночь.

— Ты любую болезнь можешь вылечить? — вполголоса спросил Андрей.

— Пока не встречался с болезнью, которую не смог бы победить. Но были случаи, когда болезнь достигла пика, и тогда смерть неизбежна. Я не могу вылечить того, кто на грани смерти, — ответил я и провел пальцем по потолку каюты, ведь спал на втором ярусе.

— Но ведь этот мальчик Леня... Он был серьезно болен, — возразил Андрей

— Да, еще несколько дней, и его невозможно было бы спасти.

Андрей ничего не ответил, и я почти уснул, когда через

время он заговорил вновь:

— Может, попробуешь вылечить меня?

— Почему бы нет? Что тебя беспокоит?

— Спина, но не всегда, а только по ночам. Иногда так скрутит, что дышать не могу. Хоть волком вой.

— Если хочешь, могу прямо сейчас посмотреть, только зажги свечу, а то ничего не видно.

— Я лучше тебя разбужу, когда прихватит.

— Ладно, — я повернулся к стене, накрылся одеялом и под монотонный шум двигателя и плавное покачивание на воде быстро заснул.

Мне приснилась Полина. Будто мы стоим с ней на берегу Ангары и...

— Эй, Степа, просыпайся, — услышал я сквозь сон и почувствовал толчок снизу. — Началось.

Глава 4

Я сначала не понял, где нахожусь и кто меня будит.

— Степа, скрутило. Снова скрутило, — сдавленно проговорил кто-то, и я снова почувствовал толчок откуда-то снизу.

Потребовалось несколько секунд, чтобы все вспомнить.

— Сейчас, — хрипло ответил я, спустился со второго яруса и первым делом подошел к столу, на котором стояла керосиновая лампа.

— Ох-х, фух-х, — стонал Андрей, пока я чиркал спичкой и поджигал фитиль.

Когда свет озарил каюту, я подошел к мужчине, который лежал, выгнувшись назад, и от боли сучил ногами.

— Где болит?

— Спина. Спину скрутило, — выдавил он и снова заохал.

— Поворачивайся, — велел я и помог ему перевалиться на бок.

— Фух-х, кажись, отпустило. В этот раз было особенно больно, — сказал он и задрал свою ночную сорочку. Я переключил зрение и... ничего не увидел. Не было даже зачатков болезни.

— Где именно у тебя болело? — уточнил я.

— Прямо вот здесь, — он указал на область между лопатками, но я по-прежнему ничего не видел.

— Болезни нет. Ты меня проверяешь? — сухо поинтересовался я, поднялся и сложил руки на груди.

— Ты подумал, что я обманываю? — Андрей развернулся и возмущенно уставился на меня. — Я о своем здоровье не шучу. Меня эти приступы мучают уже лет десять. Как схватит, так даже, бывает, слезы из глаз брызнут. Правда, держит недолго — минуты две-три, потом отпускает.

Говорил он убедительно, но это ничего не меняло — болезни я не увидел.

— Ты здоров, а приступы... Даже не знаю, что это может быть, — признался я, подошел к лампе и сдул пламя. Каюта снова погрузилась в темноту.

— Степа, ты не думай, я не соврал, — настойчиво продолжал он. — Знал бы ты, скольких докторов и врачей я обошел, чтобы причину найти. Массажисты мне делали, горячим парафином грели, примочки и отвары прикладывали, лекарствами отпаивали — все без толку. Вот, понадеялся, что ты вылечишь. Но, видимо, не судьба.

Я взобрался на свою кровать, лег и погрузился в раздумья. Во-первых, я видел, что Андрей корчится от боли. У него даже лицо побелело, и на лбу выступил холодный пот. Во-вторых, я не понимал, зачем взрослому мужчине выдумывать такие небылицы. Вероятно, его на самом деле прихватывает, но там, где он указал, ничего не было.

— Приступы бывают каждую ночь? — поинтересовался я.

— Да. Если сильно устану, то даже три раза за ночь может

схватить, но обычно один. Бывает, мне даже страшно спать ложиться, ведь знаю, что меня ждет, — признался он, и я поверил в его искренность.

— Ладно, завтра еще проверю, но уже более тщательно. Возможно, в полутьме чего-то и не разглядел, — сказал я, повернулся на бок и прислушался.

За бортом плескалась вода, механизмы и двигатели приглушенно шумели, где-то вдали слышались голоса. Интересно, сколько сейчас время?

Здесь, в трюме, в носовой части корабля, окон не было, поэтому невозможно определить время. Снова зажигать лампу не хотелось, поэтому спустился с кровати и на ощупь двинулся к двери.

— Будь осторожен, — сонно пробормотал Андрей, когда я открыл дверь, и в каюту проник свет из коридора.

— Буду, — ответил я и вышел.

В коридоре было прохладно, поэтому, поежившись, я обхватил себя руками и двинулся голыми ногами по холодному полу в сторону лестницы.

Как оказалось, только начало светать, а мне показалось, что уже утро. Получается, что проспал всего пару часов. Я огляделся, но вокруг был такой густой туман, что даже берегов не было видно. Уже хотел вернуться в каюту, как вдруг от надстройки, где жили пассажиры третьего класса, пробежала сгорбленная темная фигура и скрылась за мотком каната.

Выглядело это подозрительно, поэтому я принялся на-

блюдать. Время шло, но человек больше не появлялся. Что он там делает? И, главное, кто это такой и почему прячется?

Я уже хотел пойти за ним, но тут понял, что от холода ноги начало сводить. Ночь выдалась на удивление морозной. Кажется, даже ресницы покрылись инеем.

Развернувшись, торопливо двинулся к каюте, но тревожное чувство внутри осталось. Кто этот человек, что на полусогнутых бегаёт по палубе и прячется? Явно не член команды. Пассажир? Возможно, но зачем ему прятаться?

Только когда я зашел в теплую каюту и взобрался на свой второй ярус, как мне показалось, я понял, кем мог быть тот человек: незаконный пассажир, который пробрался на пароход и бесплатно плывет туда, куда ему надо. Успокоив себя этой догадкой, я быстро заснул.

— Вставай, а то завтрак проспичь, — услышал я над самым ухом.

Приоткрыв глаза, увидел Андрея, который завязывал на шею синий шелковый платок.

— Завтраки здесь строго по времени: с восьми до десяти. Если не успеешь, придется ждать обед, а это уже с двенадцати до трех. Хотя, думаю, для пассажиров первого класса могут пойти навстречу и приготовить какой-нибудь перекус помимо основного приема пищи.

— Сколько время? — потянувшись, спросил я.

— Полдесятого, — ответил он, взглянув на свои карманные часы. — Ресторан сам найдешь или подождать тебя?

— Найду.

— Кстати, сколько я тебе должен за лечение того парня?

— Не надо платить, — зевая ответил я.

— Как скажешь, — пожал он плечами, посмотрел на себя в круглое зеркальце, висящее на стене, и вышел.

Я нехотя вылез из-под одеяла, спустился со второго яруса и, натянув сапоги, вышел из каюты.

— Молодой человек, вам следовало бы привести себя в порядок, прежде чем выходить на люди, — слышался сбоку недовольный женский голос.

Оглянувшись, заметил взрослую женщину у каюты номер два. Она с недовольным видом осматривала меня и качала головой. Ее я видел впервые, но уже слышал ее приглушенный голос через стенку.

— Доброе утро, — натянул я улыбку и кивнул в сторону галюна. — Именно этим я и хочу заняться.

Женщина закатила глаза, развернулась, чуть не задев меня пышной юбкой с оборками, и двинулась в сторону лестницы.

Сделав все утренние процедуры, надел чистую рубашку, шерстяные штаны и, набросив жилетку, поднялся на палубу. Туман уже рассеялся, и я заметил, что мы как раз проплываем мимо большого поселения, расположенного на пригорке. Женщины на берегу полоскали белье, детишки плескались рядом, мужчины поодаль ловили рыбу.

— Доброго утречка, господин знахарь, — ко мне тороп-

ливо подошла старушка — бабка больного юноши, и низко поклонилась. — Как спалось на новом месте?

— Выспался, а вы как? Как ноги у Лени?

— Тьфу-тьфу-тьфу, — переплюнула она через левое плечо. — Благодаря вам все хорошо. Вот же силушка в вас живет, — произнесла она с восхищением. — Кому рассказать — не поверят.

— Лучше никому не рассказывать.

— Но... Э-э-э, я как бы... — замялась она и указала взглядом на толпу, которая внимательно следила за нами.

— Уже рассказали, — догадался я.

— Вы уж простите, коли что не так, но ведь я без злого умысла. Я же не могла не поделиться с земляками о том, что вы, господин знахарь, сделали для Лени.

Она заметно расстроилась, поэтому пришлось ее успокоить:

— Ничего страшного. Так вы поплывете до Тюмени?

— Нет, нам уже не надо. При первой же остановке выйдем и домой вернемся. Знали бы вы, как я вам благодарна. Вы хоть полное имя свое назовите и адрес, чтобы я переводом вам деньги отправила, когда накоплю.

— Зовут меня Степан Устинов, а денег не надо, ведь я сам пришел к вам на помощь. Вы меня ни о чем не просили.

— Если б только я знала, что есть такой знахарь, то всю землю бы пешком обошла, но вас нашла, — она потянулась, несмело взяла мою руку и крепко пожала. — Благодарю вас,

Степан... А как по бабушке?

— Алексеевич.

— Благодарю, Степан Алексеевич. А меня Прасковья Васильевна зовут, — она отпустила мою руку и поклонилась. — До самой смерти буду добрым словом вас вспоминать. Ведь так страшно, когда дети на глазах умирают. Я ж в молодости троих своих детей похоронила. В малолетстве от болезней умерли. Когда с Ленечкой беда случилась, я стала сама не своя. Не знала куда бежать и к кому обращаться. А тут вы. Будто с неба спустились. Как же я вам благодарна, — она прижала руки к груди, с обожанием и восхищением глядя на меня. Даже неловко стало.

— Будьте здоровы, а мне на завтрак пора, а то опоздаю, — я торопливо двинулся к еще одной надстройке, откуда доносилась музыка.

На входе мое имя снова проверили в списке. Очень уж я не походил на тех, кто занимал каюты первого и второго класса.

Ресторан и в самом деле был рестораном, а не трактиром или харчевней: на стенах, обитых деревянными панелями из красного дерева, висели зеркала, пол устилал цветастый ковер, заглушающий шаги, с низкого потолка свисали люстры, столы накрыты белоснежными скатертями, стулья — с мягкой обивкой и высокими спинками.

Здесь было многолюдно, хотя время завтрака уже подходило к концу.

— Степа! — махнул мне рукой Андрей. — Иди к нам!

Он сидел за столом с двумя молодыми женщинами, с которыми до этого премило ворковал.

— Милые дамы, позвольте представить вам моего попутчика Степана Устинова, — сказал Андрей, когда я подошел к столу.

Я чуть склонил голову, улыбнулся и поздоровался:

— Доброе утро, дамы.

— Доброе утро, Степан. А вы случайно не родственник Аркадия Устинова, который владеет птицефабрикой? — спросила белокурая красотка с пухлыми губами и неприлично глубоким декольте.

— Нет, с Аркадием не знаком, — я опустил за стол, и ко мне тут же подбежал слуга, который вчера в салоне разливал вина за стойкой.

— На завтрак у нас остались лишь блинчики с осетриной, поджаристый хлеб с маслом и икрой, омлет и овсяная каша на молоке, — скороговоркой выпалил он. — Но, если вам ничего не подходит, наш повар может приготовить вам что-то другое. За отдельную плату, конечно.

— Мне все подходит, несите, — кивнул я.

Слуга скрылся, а на меня продолжили сыпаться вопросы.

— Скажите, Степан, чем знаменита ваша семья? — спросила вторая — брюнетка с маленькими, но пронзительными глазами темно-зеленого цвета.

— Мою семью знают лишь в узком кругу, — улыбнулся я.

— Ой, как интересно! Такая секретность, — хлопнула в ладоши белокурая. — То есть вы из военных или даже из древнего боярского рода?

— Все возможно, — вновь ушел я от ответа, а Андрей с видимым удовольствием наблюдал за нами и попивал кофе из маленькой чашечки.

В это время слуга принес мне завтрак и, быстро разложив передо мной тарелки, уточнил, что я буду пить, и снова ушел на кухню.

— Куда вы направляетесь? — спросила брюнетка.

— Сначала в Тюмень, а оттуда в Москву.

— В Москву, — одновременно выдохнули девушки и переглянулись.

— Вы по делам в Москву или планируете там остаться? — блондинка подалась вперед и почти коснулась меня своей пышной грудью, готовой выскочить из тугого корсета.

— Планирую остаться, — я отломил кусок омлета и засунул в рот под пристальными взглядами очаровательниц.

— Чем будете заниматься?

— Степан едет поступать в медицинскую академию, и я уверен, что он станет великим врачом, — вставил Андрей.

— Лекарем, — разочарованно выдохнула брюнетка и миг переключилась на Андрея.

Это понятно, ведь все знали, что лекари или доктора, как их теперь называли, зарабатывали мало. Взять хотя бы Илью, который вынужден жить под крышей в старом доме.

— А мне кажется, что эта профессия очень романтичная, — белокурую, похоже, не отпугнули мои планы. — Взять хотя бы тех отчаянных докторов, что едут в глушь и спасают жизни бедных крестьян. В этом столько самопожертвования и величия, что аж дух захватывает.

Красотка продолжала щебетать без умолку, а я ел и кивал.

— Предлагаю выйти на палубу и прогуляться. День сегодня замечательный, — сказал Андрей, поднимаясь с места.

— Неужели прямо-таки замечательный? — брюнетка сделала недовольное лицо. — Я бы так не сказала, ведь ночью мне было довольно холодно. Пришлось звать служанку, чтобы та вытащила мой пуховый платок. Кстати, — брюнетка понизила голос и заговорщически прошептала: — она видела на палубе какого-то странного человека.

— Что же странного в нем было? — уточнил я.

— Глашка сказала, что он шел так, будто крался, а когда увидел ее — бросился прочь. Если честно, мне после ее рассказа стало не по себе. А что, если на пароход забрались разбойники?

— Не думаю, что такое возможно. Каждого пассажира проверяют и перепроверяют.

— Да, но только не пассажиров третьего класса, — возразила брюнетка, которую, как позже оказалось, звали Лидией.

Андрей на мгновение насторожился, но тут же махнул рукой и усмехнулся.

— Вам нечего бояться, милые дамы, ведь рядом с вами

есть такие бравые молодцы, как мы со Степой. Скажу по секрету, у меня есть револьвер, поэтому никакой разбойник мне не страшен.

— Хорошо, если так, — Лидия стрельнула глазками и подхватила его под руку.

Блондинка, которая шепнула мне свое имя — Дарья, тоже взяла меня под руку, и мы все вместе вышли на палубу.

Ночная прохлада еще чувствовалась, поднимаясь от воды и расходясь от густого темного леса, но солнце припекало, поэтому, похоже, все пассажиры высыпали на улицу и заняли места в креслах и кушетках, расставленных по всему периметру.

В течение двух часов мы бесцельно слонялись по палубе и болтали о всякой ерунде. Если честно, я бы лучше позанимался арифметикой или прочитал одно из произведений, что рекомендовала Полина, раз представилась такая возможность, чем слушать бестолковый щебет барышень. Однако посчитал, что нехорошо Андрея оставлять с ними одного, поэтому продолжал ходить вдоль перил и слушать о том, как какой-то конезаводчик заработал крупную сумму на новой породе или как какая-то портниха придумала новый костюм, и все модные девушки только и мечтают заказать себе такой. В общем, бесполезное словоблудие.

Только когда девушки пошли наряжаться к обеду, мы с Андреем освободились.

— Я тебе скучать не дам, — сказал он мне, когда мы про-

водили девушек до их каюты и снова поднялись на палубу.

— Вообще-то мне и так скучно не бывает.

— Да ладно тебе. Женское общество всегда вносит какую-то новизну и пикантность. По-моему, Дарья в восторге от тебя. Она так на тебя смотрит, — Андрей улыбнулся и многозначительно посмотрел на меня.

— Не заметил, — равнодушно пожал я плечами.

— Да ладно врать, — махнул он рукой, но тут же с серьезным видом уточнил: — Может, у тебя невеста есть или возлюбленная?

Ответить я не успел. В двух метрах от нас остановился моряк и, схватившись за горло, захрипел.

— Эй! Ты чего? Подавился? — встревожился Андрей и первым бросился к нему.

Однако моряк замотал головой и, схватив его за рукав, продолжал хрипеть и показывать на горло.

— Степа! Помоги! — запаниковал Андрей, я же переключил зрение и дернул ворот синей суконной рубашки моряка.

— Нет, он не подавился. Это что-то другое, — заключил я, глядя на то, как из груди вверх поднимаются синие прожилки. — Нужно раздеть его.

Как только мы уложили моряка на влажные доски только что вымытой палубы, со стороны трюма, где находятся механизмы, раздались крики:

— Здесь человеку плохо!

— Лекаря! Лекаря! Быстро!

— Сделайте же что-нибудь! — слышался пронзительный женский крик.

В это время мимо нас пробежал командир корабля с чемоданом, с каким обычно ходят лекари, и выкрикнул на бегу:

— У нас нет лекаря! На «Графине» нет лекаря! У меня есть все необходимое. Все здесь!

Андрей хотел схватить его за полы мундира, чтобы привлечь внимание, но тут еще один моряк, что намывал палубные доски, захрипел и сдавленно вскрикнул:

— Задыхаюсь! Задох... Кхе-кхе-кха!

— Это что — эпидемия? — выдохнул Андрей и испуганно вытаращился на меня.

— Не похоже, — решительно мотнул я головой и рванул рубашку моряка посильнее, оголяя его грудь.

Хм, что же это такое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.